

0-777781

На правах рукописи

Кузьмина Мария Александровна

**Русская и итальянская адъективная метафоризация
в сопоставительном аспекте**

Специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат диссертации на соискание
ученой степени кандидата филологических наук

Новосибирск — 2009

Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания
ГОУ ВПО «Новосибирский государственный университет»

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Алёшина Ольга Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Пименова Марина Владимировна

доктор филологических наук, доцент
Тимофеева Мария Кирилловна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова»

Защита состоится 21 апреля 2009 г. в 10-00 на заседании диссертационного совета Д 003.040.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Институте филологии СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

Тел. (383)3308469, fax (383)3301518.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории СО РАН по адресу: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

Автореферат разослан 20 марта 2009 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Мальцева А. А.

Данная диссертационная работа посвящена сопоставительному семантическому анализу русских и итальянских адъективных метафор — систем адъективных метафор.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью метафорических адъективов как на русском, так и на итальянском материале, а также отсутствием сопоставительных семантических исследований в этой области. Сопоставительный анализ направлений метафоризации позволит выявить наиболее активные участки адъективной лексики, участвующие в метафорообразовании, а также описать общие и специфические черты русской и итальянской адъективных метафор.

Степень разработанности темы исследования. Несмотря на возрастающий в современной лингвистике интерес к отдельным аспектам семантических переносов в сфере прилагательных (Е. Ю. Булыгина, Б. Х. Исмагулова, О. В. Логинова, А. Х. Мерзлякова, Л. Р. Тиллябаева и др.), в целом отмечается значительно более детальная разработанность проблем, связанных с субстантивной (Э. В. Васильева, Г. Е. Крейдлин, Г. А. Куттубаева, О. Н. Лагута, Н. А. Лукьянова, Г. Н. Скляревская, В. К. Харченко, Г. С. Хромых, М. И. Черемисина, Л. О. Чернейко и др.) и глагольной метафоризацией (Н. И. Бахмутова, Л. С. Ковтун, Н. Б. Лаврентьева, Л. Ф. Плотникова, А. П. Чудинов и др.). В последнее время адъективная метафоризация чаще становится темой структурно-семантических исследований на материале индоевропейских (славянских, германских, значительно реже — романских) и тюркских языков (В. А. Арсеньева, О. Ю. Буйнова, М. В. Варламов, Л. М. Зайнуллина, П. К. Кадырбекова, А. Х. Мерзлякова, Е. М. Тазиева, С. В. Татаренко, Н. А. Сергиенко и мн. др.). Сопоставительных семантических исследований на русском и итальянском материале относительно немного (Г. В. Денисова, П. Канчани, Ю. А. Рылов, Ю. Л. Сидорова, М. В. Сухих, Е. П. Прокофьева). Итальянская адъективная метафорика до сих пор не была системно описана.

Адъективная метафоризация в сфере качественных прилагательных в диссертации анализируется в трёх аспектах, в зависимости от семантики исходной номинации: 1) метафоризация от номинации эмпирийного признака (образование синестезий), 2) метафоризация от номинации пространственного признака, 3) метафоризация от

номинации абстрактного признака. Процесс окачества относительных прилагательных рассмотрен на примере формирования метафорических цветообозначений. **Предметом данного исследования** стали выявление и систематизация итальянских и русских адъективных метафор, их метафоризаторов и направлений метафоризации в сфере качественных прилагательных, а также метафор-цветообозначений как результатов окачества относительных прилагательных. **Цель исследования** — выявить универсальные и лингвоспецифические черты в формировании адъективных метафор в русском и итальянском языках.

Достижение цели предполагает решение следующих задач:

1. Сопоставить возможности применения различных теоретических подходов (риторического, семиотического, семантико-интерпретационного, лингвосинергетического, структурно-семантического и когнитивного) в системном описании метафоризации.

2. Выявить преемственность взглядов современных исследователей метафоры с идеями, содержащимися в ранее неизвестном отечественным лингвистам трактате Э. Тезауро «Подзорная труба Аристотеля».

3. Исследовать ядро адъективной метафоризации: выявить корпус итальянских и русских метафор и их метафоризаторов в сфере качественных прилагательных, определить направления итальянской и русской метафоризации.

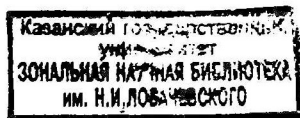
4. Выявить специфику метафорообразования в сфере русских и итальянских прилагательных.

5. Исследовать периферию адъективной метафоризации — процесс окачества относительных прилагательных (на примере формирования метафор-цветообозначений).

В работе анализируются:

— итальянские и русские метафоризаторы — качественные прилагательные: номинации эмпирийного, пространственного и абстрактного признаков;

— итальянские и русские метафоризаторы — относительные прилагательные с потенциальным метафорическим значением цвета (в том числе итальянские неизменяемые прилагательные — результаты адъективации имён существительных);

— итальянские и русские метафоры — качественные прилагательные.

В качестве **источников исследования** использованы лексико-графические издания: Зорько Г. Ф., Майзель Б. Н., Скворцова Н. А. Новый итальянско-русский словарь. 2-е изд., стер. М.: Рус. Яз., 1998. 1018 с. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стер. М.: Азъ, 1996. 928 с. *Словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999. *Vocabolario della lingua italiana* di Nicola Zingarelli. Zanichelli Editore, 2001. 2177 p.

В работе проанализировано 358 русских метафоризаторов (*насмурный, угловатый, ядовитый*) и 546 метафор, образованных на их основе (*насмурный вид, угловатый характер, ядовитые слова*), а также 472 итальянских метафоризатора (*ispido* ‘шершавый’, *saporito* ‘вкусный’, *eteroclito* ‘неправильно спрягаемый’) и 596 метафор (*uomo ispido* ‘шероховатый человек’, *sonno saporito* ‘сладкий сон’, *cervello eteroclito* ‘чудак (букв. неправильно спрягаемый мозг)’).

Методы исследования. Сопоставительный анализ итальянской и русской адекватных метафорик проводится в рамках структурно-семантического подхода. Значение адекватной метафоры – выражение характеризующего признака – определяет методы её исследования: с одной стороны, учитывается внеязыковой фактор в формировании метафоры, то есть сфера объектов, которые характеризует метафорический признак (семасиологический аспект); с другой стороны, метафорическое значение, будучи вторичным, мотивированным, изучается с позиций теории номинации (ономасиологический аспект). В работе используются методы компонентного и дистрибутивного анализа, описательно-аналитический метод, метод количественных подсчётов, метод интроспекции.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы, посвящённые структурно-семантическому, логическому и сравнительно-сопоставительному анализу метафорик (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, О. Н. Лагута, Н. А. Лукьянова, Г. Н. Складаревская, В. Н. Телия, А. Н. Шрам и др.). В качестве теоретического основания привлекались работы, посвящённые семантическому и когнитивному моделированию метафоризации (О. И. Блинова, М. В. Варламов, М. Джонсон, О. Н. Лагута, Дж. Лакофф, М. В. Пименова, Е. А. Юрина и др.), а также исследо-

вания, в которых метафоризация изучается в универсалистическом аспекте (А. Вежбицка, В. Г. Гак, Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, С. Ульман, С. Г. Шафиков, А. Д. Шмелёв и др.). Анализировались также работы, в которых реализуется дискурсивный подход к метафоризации (Р. Барт, И. А. Герман, Ю. М. Лотман, В. А. Пищальникова, Ф. Растье, У. Эко и др.).

По результатам проведённого исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. Ряд идей современной метафорологии, считающихся открытием XX в., содержится в трактате итальянского теоретика барокко Э. Тезауро «Подзорная труба Аристотеля» (1670 г.).

2. Русская абстрактная метафоризация характеризуется актуальностью типа переноса от одушевлённого объекта к неодушевлённому (*хромая лошадь* – *хромой стул*, *поплушная дочь* – *поплушный штурвал*). В итальянском языке не различаются по степени частотности типы переноса от одушевлённого к неодушевлённому (*uomo muto* ‘немой человек’ – *carta geografica muta* ‘немая географическая карта’, *persona fiacca* ‘слабый человек’ – *mercato fiacco* ‘рынок без движения’) и от одушевлённого к одушевлённому (*uomo losco* ‘косоглазый’ – *persona losca* ‘тёмная личность’, *mani callose* ‘мозолистые руки’ – *coscienza callosa* ‘чёрствая совесть’).

3. В сфере синестетических метафор наиболее актуальными метафоризаторами в русском и итальянском языках выступают номинации визуального и тактильного признаков (*лучистые глаза*, *sguardo chiaro* ‘ясный взгляд’; *мягкий характер*, *дряблая воля*, *parole lubriche* ‘непристойные (букв. скользкие) слова’). Синестезии употребляются в обоих языках для обозначения ментальных свойств человека, а также отвлечённого признака (*гибкий человек*, *carattere brusco* ‘резкий (букв. терпкий, кислый) характер’; *серая жизнь*, *situazione politica fluida* ‘нестабильная (букв. текучая) политическая ситуация’). Русские синестезии служат обозначению также физического признака человека (*пикантная внешность*, *рыхлое тело*) и звукового признака (*густой голос*, *сладкие звуки*).

4. В русском языке метафоры, основанные на номинациях пространственного признака, в большинстве случаев используются для характеристики неодушевлённых объектов (*глубокий траур*, *крутые перемены*), тогда как в итальянском языке данные метафоры характеризуют прежде всего ментальные свойства человека через его ат-

рибуты, действия и т. д. (*stile rotondo* 'плавный (букв. круглый) стиль', *condotta obliqua* 'неискреннее (букв. наклонное) поведение'). Для русского языка в большей степени, чем для итальянского, характерны «пространственно-временные» переносы (*круглые сутки*, *параллельные репетиции*).

5. В итальянском и русском языках номинации физических и ментальных признаков человека являются наиболее актуальными метафоризаторами (*уродливый ноготь* – *уродливый перевод*, *uomo pingue* 'полный человек' – *guadagni pingui* 'большие заработки'; *щедрый хозяин* – *щедрая земля*, *persona eloquente* 'красноречивый человек' – *prova eloquente* 'красноречивое доказательство'). Лексика, характеризующая социальные признаки личности, метафоризируется в итальянском языке активнее, чем в русском (*ragazzo contadino* 'деревенский парень' – *amorazzo contadino* 'грубая интрижка', *uomo vedovo* 'вдовец' – *una città restava vedova del suo migliore cittadino* 'город лишился (букв. остался вдовцом) своего лучшего гражданина').

6. Адъективная метафорика в обоих языках обозначает преимущественно ментальные признаки человека (*глухой к добру*, *хищный чиновник*, *fantasia sterile* 'скудная фантазия', *vecchia ringhiosa* 'ворчливая (букв. рычащая) старуха') и отвлечённые признаки (*бешеная скорость*, *капитальный вопрос*, *bellezza aggressiva* 'вызывающая красота', *impresa matta* 'безумная затея'). В русском языке распространены также другие типы метафорических номинаций, не актуальные в итальянском: номинации природного (*жестокый ветер*, *гордые пальмы*) и предметного признака (*хмурый город*, *пузатый самовар*), номинации звукового (*толстый бас* *шмеля*, *светлый голос*) и визуального (*мягкие тона*, *маслянистый блеск*) признаков.

7. В сфере образования метафор-цветообозначений отмечены специфические особенности в выборе эталонных объектов цвета в русском и итальянском языках: *малиновый*, *сапфировый*; *seppia* 'цвета каракатицы' (серовато-коричневый), *vescovo* 'цвета облачения епископа' (фиолетово-красный).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые выполнен сопоставительный структурно-семантический анализ адъективных метафор и их метафоризаторов, построены семантические классификации направлений метафоризации.

Теоретическая новизна работы состоит в том, что описание подходов к изучению метафорики включает произведение итальянского теоретика барокко, одного из европейских классиков в области риторики и эстетики – Э. Тезауро «Подзорная труба Аристотеля» (1670 г.). Этот труд практически неизвестен современным лингвистам и до сих пор не переведён на русский язык, за исключением небольших отрывков. Систематика Тезауро, сохраняющая ценность и в наши дни, включена в разработку современной теории метафоры.

Теоретическая значимость работы. Результаты нашего исследования вносят вклад в развитие сопоставительной лексикологии, в частности метафорологии. Именно сопоставительные исследования метафорик на материалах разных языков позволяют увидеть универсальные и уникальные черты метафорообразования в сфере именных частей речи.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы при разработке курсов по сопоставительной лингвокультурологии, стилистике, риторике, русской и итальянской лексикологии, теории перевода, а также в преподавании русского и итальянского языков как иностранных.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования изложены автором на заседаниях специального семинара «Лингвостилистика и культура речи» (Новосибирск, Новосибирский госуниверситет, 2002–2008 гг.), на XLII–XLIII Международных научных студенческих конференциях «Студент и научно-технический прогресс: Языкознание» (Новосибирск, Новосибирский госуниверситет, 2004–2005 гг.), на региональной конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (Новосибирск, Институт филологии Сибирского отделения РАН, 2008 г.).

Структура работы. Диссертационная работа состоит из Введения, двух глав основной части («Теоретические подходы к описанию метафорики» и «Семантические классификации направлений русской и итальянской адъективной метафоризации»), Заключения, списка литературы, насчитывающего 184 наименования, трёх приложений (1. «Метафоры в текстах итальянской и русской проповеди XVII–XVIII вв.». 2. «Словник русских адъективных метафоризаторов». 3. «Словник итальянских адъективных метафоризаторов»). Диссертация содержит 22 таблицы, 3 схемы и 2 диаграммы.

Содержание работы

В первой главе «Теоретические подходы к описанию метафоры» рассматриваются возможности различных теоретических подходов в изучении метафоризации.

В параграфе 1.1. «Риторический подход» показано, что древнейшая трактовка метафоры как тропа, известная с античных времён, может быть дополнена взглядами на метафору, отражёнными в таких риторических произведениях, как «Подзорная труба Аристотеля» Э. Тезауро (1670 г.) и первая русская переводная «Риторика» (1620 г.).

Трактат «Подзорная труба Аристотеля» был популярен в Европе XVII в., но позже был незаслуженно забыт. В отечественной лингвистике трактат практически не известен: он ни разу полностью не переводился на русский язык. Между тем, в «Подзорной трубе» содержатся идеи, близкие к современному пониманию метафоры. Подробному изложению взглядов Э. Тезауро посвящён п. 1.1.1. «**Метафорология итальянского барокко: трактат Э. Тезауро “Подзорная труба Аристотеля” (1670 г.)**». Барочная метафорология Тезауро представляет собой систему средств выражения остроумных понятий, опорой и научным обоснованием которой служат категории из «Риторики» Аристотеля. При этом сам автор «Подзорной трубы» обнаружил более глубокое понимание феномена метафоры по сравнению с Аристотелем, Цицероном и другими античными авторами. Для Тезауро метафора не только и не столько украшение речи, сколько способ организации мысли, не только остроумие как «спутник придворной беседы», но и «остромыслие» – главное свойство человеческого разума. Особенности исследовательского метода Э. Тезауро раскрываются в пп. 1.1.1.1. «**Метод Аристотеля**».

Применив «Аристотелев метод», Тезауро построил типологию метафор, которая в современном понимании является классификацией типов метафоризации. Данному аспекту учения Тезауро посвящён пп. 1.1.1.2. «**Теория метафоры Э. Тезауро**». В своей типологии Тезауро стремится показать возрастающую формальную и семантическую сложность метафор разных типов и переходит «от простого к сложному»: «простое» всегда становится основой для объяснения «сложного». Тезауро понимает метафору предельно широко и включает в её состав результат переноса по смежности (т. е. метонимии), обозначив его термином «метафора атрибуции». Всего им выделено

восемь типов метафор: метафора пропорции, или подобия (*Foemina dum poliuntur, dum comuntur, annus est* 'пока женщина красится да наряжается – год проходит'), метафора атрибуции (*Romulum adire* 'приходить к Ромулу (т. е. в Рим)'), метафора игры (*multa edit volumina* 'он проглотил много томов (о человеке, который продал библиотеку, чтобы купить еду)'), метафора изображения (*Paupertas omnes artes edocet* 'бедность научит любому искусству'), метафора преувеличения и преуменьшения (на основе метафоры *любовь – это огонь*: *Лишь малая искра этого огня превратилась бы в Этну*), лаконизм (*Tace tu, cuius pater cubito se emungebat* 'Замолчи ты, чей отец сморкался в локоть (букв. локтём)'), метафора противоположности (*Egli sa meglio lanciare il dado che il dardo* 'Он лучше бросает игральные кости, чем копье' – о солдате), метафора заблуждения (*Ella è una giovine tra' vinti et settant' anni* 'Она молодая девушка двадцати-семидесяти лет'). Метафора пропорции и метафора атрибуции, т. е. метафора и метонимия в современном понимании, являются для Тезауро основными типами метафор. Таким образом, Тезауро «предвидел» ту основную дихотомию переносов (по сходству и по смежности), которая представлена в современных пособиях по риторике и стилистике. Смежность при метонимическом переносе Тезауро также трактует шире, чем это принято в современных исследованиях. По его мысли, «атрибутом» предмета или явления может служить всё, что связано с ним любыми типами отношений, даже причинно-следственными.

Значение трактата Тезауро для теории барокко сопоставимо с той важностью, какую имело «Поэтическое искусство» Буало для классицизма (Н. И. Голенищев-Кутузов). «Трактат» содержит идеи, актуальные также и для современной теории метафоры. Во-первых, Тезауро считал, что различные метафоры – результаты разных способов познания. Такой взгляд на метафору не был свойствен риторам, рассматривавшим метафору как украшение речи, но он характерен для современных концепций метафорологии. Во-вторых, Тезауро ещё в XVII в. высказал мысль о реализации в метафоре лингвоментальной двуплановости, между тем как эта идея считается «открытием» в метафорологической мысли XX в. По мысли Тезауро, высший остроумный символ, *impresa*, призван объединить «словесность» и «мыслительность» метафоры. Опыт применения методологии Тезауро (его «Типологии метафор») в исследовании произведе-

ний риторического жанра содержится в Приложении 1, посвящённом анализу метафор в текстах проповедей самого Тезауро и русских авторов XVII–XVIII вв.

Трактат Тезауро как бы «подвёл черту» развитию риторической мысли XVII в., тогда как в русской «Риторике» 1620 г. впервые в России была сформирована терминология, которая до сих пор употребляется в стилистических и риторических пособиях. Взглядам на метафору, отражённым в первой русской «Риторике», а также в последующих пособиях, посвящён п. 1.1.2. **«Русское риторическое учение о метафоре (русская «Риторика» 1620 г.)»**. Свидетельствами самостоятельности русской риторической мысли XVII в. являются следующие моменты: значительное преобладание славянских терминов над латинскими и греческими, что говорит о творческом переосмыслении латинской риторики; место каждого термина определено относительно всей терминосистемы, в том числе место метафоры в системе словесных тропов. В отличие от античных риторик, в «Риторике» 1620 г. отсутствует философская составляющая, вместо которой представлена развитая «метафизическая» часть: к трём родам речей добавляется четвёртый, «научающий», используемый главным образом в церковном красноречии. Тезауро восхищается метафорой как главным плодом «остромыслия», тогда как автору «Риторики» 1620 г., а также авторам последующих русских риторических пособий, свойствен скорее функциональный подход к метафоре. Для Тезауро опыт упражнений в остроумии является определяющим качеством оратора; для русских авторов, наоборот, на первом месте всегда «премудрость» и «внутреннее расположение» оратора. Применение метафоризации в вероучительном жанре красноречия (Е. М. Верещагин) открывает новые перспективы изучения данного процесса в рамках риторического подхода. Метафоризация в церковном красноречии и в научной речи имеет познавательную функцию, поскольку даёт наименование тому объекту, который был ранее неизвестен.

«Барочный» взгляд на метафору характеризует не только риторические труды XVII в., но и свойствен современным концепциям метафоры, которые рассмотрены в **параграфе 1.2. «Дискурсивный подход»**. Общим философским основанием данного подхода стала феноменологическая методология, определяющая ряд установок в процедуре анализа метафоры.

Эвристичным для научного метода XX в. оказался принцип междисциплинарного изоморфизма. Терминология квантовой физики и химии стала применяться в лингвистике, а именно в лингвосинергетическом её направлении, кроме того, в понимании изотопии текста всеми представителями дискурсивного подхода. Языковые процессы уподобляются изменениям, происходящим в других естественных системах, а язык предстаёт как синергетическая самоорганизующаяся система, обладающая такими свойствами как открытость, нелинейность, диссипативность, целостность, неустойчивость (В. А. Пищальникова, И. А. Герман).

Метафора изучается как центральная часть текста, поскольку допускает возможность множественных толкований и игры с «формой содержания». Личностные смыслы, выраженные в метафоре, подлежат интерпретации говорящим / читающим субъектом (Р. Барт). Именно внимание к субъективному началу в создании метафоры, а не к выражению системных свойств языка объединяет взгляды представителей дискурсивного подхода.

Основополагающим принципом исследования метафор в тексте провозглашается нерепрезентативность семантики, отделение пространства семиозиса от естественной действительности (У. Эко, Ф. Растье). Все экстенциональные элементы текста относятся к культурному коду, к семиотической, а не референциальной действительности. Метафора при этом является не результатом индивидуального выражения конвенциональных культурных смыслов, а семиотически закреплённым в языке-коде способом выражения личностных смыслов (В. А. Пищальникова). Субъект использует разнообразные возможности кода для создания метафоры, и новая метафора – это такое сочетание элементов кода, о котором никто ранее не догадывался (У. Эко). Метафора в тексте выполняет ту же функцию, что и «взрыв» в культуре (Ю. М. Лотман): она возникает при столкновении чуждых друг другу языковых кодов.

Интерпретация метафоры основывается на интуиции и актуализации культурного фона воспринимающего субъекта. Именно множественность прочтений метафоры обеспечивает открытость текста. При этом появление метафоры относит читателя к конкретной коммуникативной ситуации её возникновения, к контексту. Контекст не замкнут предложением, это — весь художественный текст, подлежащий истолкованию. Метафорические смыслы интерпретируются в

зависимости от выбранной читающим субъектом изотопии текста, которая предшествует «рекуррентности» (т. е. совместимости, соотносительности) сем (Ф. Растье). Сема – это такой признак семемы, которым говорящий действительно располагает и который использует в данной коммуникации. По мнению представителей дискурсивного подхода, семы не являются универсальными единицами семантического анализа, они не малочисленны, однако их число ограничено, о чём свидетельствуют определённые направления метафоризации в разных языках (семы переходят из одних семантических областей в другие).

Контекстуальный (дискурсивный) анализ метафоры если не противопоставляется, то во всяком случае является альтернативой другому подходу – выявлению универсальных свойств метафоризации (О. Ю. Буйнова, В. Г. Гак, И. А. Тарасова, В. Н. Телия, С. Ульман, С. Г. Шафиков и др.). Анализу возможностей этого подхода, объединяющего структурно-семантическое и когнитивное направления, посвящён **параграф 1.3. «Системно-языковой подход»**.

Признавая за человеком главную роль в метафоротворчестве, утверждая антропоцентричность метафоризации, авторы исследований в рамках данных направлений обращают внимание главным образом на поиск универсальных моделей, лежащих в основе возникновения метафор. Метафоризация считается не категориальной ошибкой, не «сбоем» в логично работающей системе, а иным, не формально-логическим, способом категоризации (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Когнитивисты говорят о «телесном» мышлении как источнике метафор, а сторонники структурно-семантического подхода отмечают, что возникновение метафоры возможно при условии допущения модуса «как если бы» – «модуса фиктивности» (В. Н. Телия). Общей чертой когнитивных и структурно-семантических исследований является привлечение к анализу метафоризации многочисленных данных из разных языков: при большем охвате материала выявляются более точные модели. Методы, разрабатываемые исследователями названных направлений, успешно используются для выделения и описания как общеязыковых, так и лингвоспецифичных моделей метафоризации при сопоставительном анализе метафорик разных языков. Когнитивисты разработали теорию когнитивных метафорических моделей, по которым можно проследить, как происходят метафорические переносы в разных языках (Дж. Лакофф). Устоявшей-

ся является и терминология данных исследований: «область-источник», «область-мишень», «путь» и т. д. Сторонники структурно-семантического направления построили различные логические типологии метафор, описали модели метафор и модели метафоризации (В. Г. Гак, О. Н. Лагута, Г. Н. Складаревская, В. Н. Телия, Е. А. Юрина и др.). Когнитивные и структурно-семантические исследования характеризуются общими исходными постулатами: метафоризация не только отражает реальность, но и служит конструированию языковой картины мира, наивной и научной (Г. С. Баранов, Анна А. Зализняк, Г. Г. Кулиев, И. Б. Левонтина, М. В. Пименова, А. Д. Шмелёв); метафорический перенос осуществляется по определённым языковым схемам, или моделям (М. В. Варламов, В. Г. Гак, Дж. Лакофф, А. Х. Мерзлякова, Г. Н. Складаревская, С. Ульман); определяющим фактором метафоризации является её антропоцентричность. Эти направления дополняют наше знание о языке, разрабатывают методы его описания: а) с позиции познающего субъекта и концептуализации им телесного опыта, б) со стороны отражения языком внешнего мира и связей между объектами действительности.

Вторая глава «Семантические классификации направлений русской и итальянской адъективной метафоризации» посвящена сопоставительному семантическому анализу направлений адъективной метафоризации в русском (РЯ) и итальянском (ИЯ) языках. Семантическое направление адъективной метафоризации определяется двумя параметрами: 1) характер признака, выраженного мотивированным и мотивирующим ЛСВ (эмпириальный или рациональный – нейтральный / оценочный); 2) тип метафорического переноса (учитывается синтагматическая сочетаемость метафор с существительными, денотатами которых являются одушевлённые либо неодушевлённые объекты).

Рассматриваются четыре «блока» направлений метафоризации: 1) абстрактная метафоризация; 2) синестетическая метафоризация; 3) пространственная метафоризация; 4) метафоризация относительных прилагательных – образование метафор-цветообозначений.

«Ядром» адъективной метафоризации является образование метафор в сфере качественных прилагательных, аналогично тому, как «ядром» имён прилагательных являются качественные прилагательные. В сфере качественных прилагательных было выявлено 113 направлений адъективной метафоризации в РЯ и

104 направления в ИЯ. Актуальность направлений в целом совпадает в сравниваемых языках: наиболее распространённые направления переносов относятся к «абстрактной» сфере, наименее актуальны переносы, в основе которых лежит номинация пространственного признака (см. табл. 1.).

Таблица 1.
Актуальность направлений русской и итальянской адъективной метафоризации (процентное соотношение)

Направления адъективной метафоризации	% от всех адъективных метафор в РЯ	% от всех адъективных метафор в ИЯ
«Абстрактные» направления метафоризации	49	57
Синестетические направления метафоризации	35	28
«Пространственные» направления метафоризации	16	15

В ходе исследования мы получили данные, свидетельствующие как об общих, так и о специфических чертах адъективной метафоризации в РЯ и ИЯ.

1. Параграф 2.1. «Абстрактная адъективная метафоризация» посвящён анализу направлений адъективной метафоризации, которые имеют в качестве «начала» и «конца» переноса номинации абстрактного признака. Направления абстрактной метафоризации рассмотрены в рамках метакатегориальных типов. Метакатегориальными типами переноса называются случаи метафоризации номинаций из сферы одушевлённого объекта в сферу неодушевлённого («О → Н») и наоборот («Н → О»), переносы номинаций в сфере одушевлённых («О → О») и неодушевлённых объектов («Н → Н») (О. Н. Лагута).

Наиболее регулярными направлениями в рамках типа «О → Н» в РЯ являются следующие:

– «номинация нейтрального физического признака человека → номинация нейтрального предметного признака» (4,8% – здесь и

далее: от всех направлений абстрактной метафоризации): *слепой старец* – *слепая стена*, *прихотливый ребёнок* – *прихотливый узор*;

– «номинация оценочного ментального признака человека → номинация оценочного природного признака» (4,8%): *злой взгляд* – *злой мороз*, *свирепый нрав* – *свирепая зима*;

– «номинация нейтрального физического признака человека → номинация нейтрального природного признака» (3,7%): *немой юноша* – *немой лес*, *румяная жена* – *румяные яблоки*.

Наиболее частотными направлениями абстрактной метафоризации типа «О → Н» в ИЯ являются следующие:

– «номинация нейтрального физического признака человека → номинация оценочного отвлечённого признака» (3,6%): *piaga infetta* ‘заражённая рана’ – *società infetta* ‘заражённое общество’, *diventar matto* ‘сойти с ума’ – *impresa matta* ‘безумная затея’, *respiro affannoso* ‘затруднённое дыхание’ – *ricerca affannosa* ‘мучительное исследование’;

– «номинация оценочного ментального признака человека → номинация нейтрального отвлечённого признака» (2,9%): *sguardo benigno* ‘добрый взгляд’ – *decorso benigno della malattia* ‘доброкачественное протекание болезни’, *persona eloquente* ‘красноречивый человек’ – *prova eloquente* ‘красноречивое доказательство’;

– «номинация оценочного ментального признака человека → номинация оценочного отвлечённого признака» (2,9%): *gente barbina* ‘прижимистый народ’ – *pittura barbina* ‘бездарная живопись’, *buon amico* ‘добрый друг’ – *buon prezzo* ‘разумная цена’, *uomo improbo* ‘порочный человек’ – *lavoro improbo* ‘тяжкая работа’.

К наиболее регулярным направлениям русской абстрактной метафоризации типа «О → О» относятся следующие:

– «номинация нейтрального физического признака человека → номинация оценочного ментального признака человека» (9,1%): *зоркий стрелок* – *зоркий ум*, *инфантильный организм* – *инфантильные привычки*;

– «номинация нейтрального признака животного → номинация оценочного ментального признака человека» (7%): *куцый пёс* – *куцый ум*, *матёрый волк* – *матёрый бандит*, *хищный зверь* – *хищный чиновник*;

– «номинация нейтрального социального признака человека → номинация оценочного ментального признака человека» (3,2%): *ни-*

щий человек – *нищая* кисть, сановные лица – *сановный* стиль, дежурный врач – *дежурные* фразы.

Отличительной чертой итальянской метафоризации метакатегориального типа «О → О» является активное (по сравнению с РЯ) формирование метафор на основе номинаций социальных признаков. Наиболее частотными метафоризации типа «О → О» являются следующие направления:

– «номинация нейтрального физического признака человека → номинация оценочного ментального признака человека» (10,4%): *donna sterile* ‘бесплодная женщина’ – *fantasia sterile* ‘скудная фантазия’, *stitico* ‘страдающий запором – мелочный’, *mani callose* ‘мозолистые руки’ – *coscienza callosa* ‘чёрствая совесть’, *ambidestro* ‘владеющий обеими руками – ловкий, хитрый’;

– «номинация нейтрального социального признака человека → номинация оценочного ментального признака человека» (3,2%): *consigliere aulico* ‘придворный советник’ – *linguaggio aulico* ‘благородный язык’, *figlio bastardo* ‘внебрачный сын’ – *stile bastardo* ‘смешанный стиль’, *truppe mercenarie* ‘наёмные войска’ – *scrittore mercenario* ‘продажный писатель’;

– «номинация нейтрального социального признака человека → номинация нейтрального ментального признака человека» (4,3%): *famiglie borghesi* ‘буржуазные семьи’ – *mentalità borghese* ‘буржуазное сознание’, *vassallo ligio* ‘преданный вассал’ – *ligio alle consuetudini* ‘верный привычкам’, *aliene armi* ‘чужие войска’ – *essere alieno dalle discussioni* ‘держаться вдали от дискуссий’.

В итальянской метафоризации типа «О → О» встречается направление, не характерное для русской адъективной метафоризации, – «номинация оценочного ментального признака человека → номинация оценочного физического признака человека». Такой «обратный» перенос, несомненно, выражает эмоциональную оценку говорящим объекта: *uomo baldanzoso* ‘отважный человек’ – *fianchi baldanzosi* ‘мощные бёдра’, *uomo generoso* ‘щедрый человек’ – *fianchi generosi* ‘широкие бёдра’, *discorso spropositato* ‘неуместная речь’ – *non è brutto, ma ha un naso spropositato* ‘он не некрасив, но у него слишком большой (букв. неуместный) нос’.

Тип переноса «Н → О» в РЯ представлен, главным образом, тремя направлениями метафоризации:

– «номинация нейтрального природного признака → номинация оценочного ментального признака человека» (6%): *дремучий бор – дремучая провинциалка, вялое растение – вялый человек, перезрелая рожь – перезрелая дева*;

– «номинация нейтрального предметного признака → номинация оценочного ментального признака человека» (5,9%): *мешковатый костюм – мешковатые манеры, стойкая краска – стойкий характер, чёрствая булка – чёрствый человек*;

– «номинация нейтрального природного признака → номинация оценочного физического признака человека» (3,2%): *сучковатое дерево – сучковатые пальцы, чахлое растение – чахлая грудь*.

Направления метафоризации типа «Н → О» встречаются в ИЯ чаще, чем в РЯ. Данный факт может объясняться двояко: во-первых, это связано с широкой метафоризацией в ИЯ номинаций терминологических и узкоспециальных признаков: *forza attrattiva* ‘сила притяжения’ – *avea la testa una grazia attrattiva* (Machiavelli) ‘эта головка имела привлекательную грацию’ (Макиавелли), *verbo eteroclito* ‘неправильно спрягаемый глагол’ – *cervello eteroclito* ‘чудак (букв. неправильно спрягаемый мозг)’, *arte decorativa* ‘декоративное искусство’ – *personaggio decorativo* ‘«свадебный генерал» (букв. декоративный персонаж)’ и т. д.; во-вторых, для ИЯ характерно образование метафор на основе номинаций признаков продуктов: *prodotti agresti* ‘деревенские продукты’ – *ragazzo agreste* ‘неотёсанный парень’, *piatto appetitoso* ‘аппетитное блюдо’ – *donna appetitosa* ‘аппетитная женщина’ и т. д.

Тип переноса «Н → Н» менее всего актуален для метафоризации в обоих сравниваемых языках, что косвенно свидетельствует об антропоцентричности метафоризации. В рамках данного типа направления метафоризации отражают такую известную семантическую «универсалию», как перенос «от конкретного к абстрактному», т. е. от материального к отвлечённому: метафоризатором является номинация предметного или природного признака (*шаткие стены вагона, зыбкий грунт; prati floridi* ‘цветущие поля’, *fune lasca* ‘слабо натянутый канат’), а метафора выражает отвлечённый признак (*шаткие показания, зыбкая надежда; finanze floride* ‘процветающие финансы’, *morale lasca* ‘распущенность’).

Русская метафоризация типа «Н → Н» представлена следующими наиболее частотными направлениями:

– «номинация нейтрального предметного признака → номинация нейтрального отвлечённого признака» (3,7%): *капитальное здание* – *капитальный вопрос*, *коловратный двигатель* – *коловратное течение жизни*, *половинчатый чугуун* – *половинчатые обещания*;

– «номинация нейтрального предметного признака → номинация оценочного отвлечённого признака» (3,2%): *дорогой мех* – *дорогие воспоминания*, *прочный стул* – *прочный мир*;

– «номинация нейтрального природного признака → номинация оценочного отвлечённого признака» (2,7%): *гнилые яблоки* – *гнилая теория*, *драгоценный камень* – *драгоценное время*, *убийственный огонь* – *убийственная погода*.

В итальянской метафоризации типа «Н → Н» отмечены следующие регулярные направления:

– «номинация нейтрального природного признака → номинация оценочного отвлечённого признака» (4,3%): *fuoco fatuo* ‘блуждающий огонь – вспышка страсти’, *acque ferme* ‘стоячие воды’ – *ferma fede* ‘твёрдая вера’, *resti fossili* ‘окаменелые остатки’ – *idee fossili* ‘устарелые идеи’;

– «номинация нейтрального предметного признака → номинация оценочного отвлечённого признака» (3,2%): *medicamento anodino* ‘болеутоляющее лекарство’ – *proposta anodina* ‘нестоящее предложение’, *edificio fatisciente* ‘разрушающееся здание’ – *società fatisciente* ‘разлагающееся общество’, *scarpe logore* ‘стоптанные ботинки’ – *teoria logora* ‘избитая теория’;

– «номинация нейтрального отвлечённого признака → номинация оценочного отвлечённого признака» (2,9%): *malattia cronica* ‘хроническая болезнь’ – *vizio cronico* ‘укоренившийся порок’, *incendio disastroso* ‘разрушительный пожар’ – *esame disastroso* ‘провальный экзамен’, *età decrepita* ‘дряхлый возраст’ – *società decrepita* ‘отмирающее общество’.

Русскоговорящие, создавая адъективную метафору, более чем в 80% случаев выбирают в качестве метафоризатора номинацию признака человека или животного (итальянцы – в 55,5% случаев). Среди номинаций признаков человека наиболее активными метафоризаторами являются номинации физических (38% в РЯ, 24% в ИЯ) и ментальных признаков (соответственно, 19% и 13%). При этом в РЯ номинации физического признака человека и номинации признака животного становятся источником для возникновения метафорических

номинаций природных и предметных признаков (*румяная жена – румяные яблоки, кудрявая головка – кудрявый орешник, косматый медведь – косматый дуб, тощая скотина – тощая трава, пузатая кляча – пузатый самовар, раскосое лицо – раскосые столы*); в ИЯ номинации физических признаков человека используются для выражения предметного признака (*cieco da un occhio* ‘слепой на один глаз’ – *stanza cieca* ‘комната без окон’, *diventar matto* ‘сойти с ума’ – *brillante matto* ‘фальшивый (букв. сумасшедший) бриллиант’, *uomo muto* ‘немой человек’ – *carta (geografica) muta* ‘немая (географическая) карта’).

В образовании метафор русскоговорящие значительно чаще прибегают к номинациям признаков животных, чем итальянцы. В свою очередь, в ИЯ лексика, характеризующая социальную сторону личности, метафоризируется активнее, чем в РЯ (ИЯ – 11%, РЯ – 7,5%), а витальные свойства людей и животных в ИЯ в несколько раз реже, чем в РЯ, становятся основой метафоризации.

В целом абстрактная метафоризация свидетельствует не о сходных, а о различных мотивах формирования адъективных метафорик русскоговорящими и итальянцами. Она более характерна для ИЯ, чем для РЯ, поэтому в ИЯ абстрактная метафоризация представлена большим разнообразием направлений.

2. Параграф 2.2. Синестетическая адъективная метафоризация посвящён сопоставительному анализу русской и итальянской синестетической метафоризации. Исследователями неоднократно отмечалось, что синестезия, одна из «семантических универсалий», является особенностью метафоризации в сфере имён прилагательных. Феномен синестезии в последнее время привлекает лингвистов, психологов, специалистов по фоносемантике и др. (И. Р. Абдуллин, С. В. Воронин, Б. М. Галеев, Э. В. Комина, Л. П. Прокофьева, Г. Сафина и др.). В психологии изучается «авербальная синестезия» – способность получать сенсорные впечатления одновременно в разных модальностях, а в лингвистических исследованиях описывается «вербальная синестезия», то есть символическое воплощение восприятий в языковой форме.

Особый интерес представляет сопоставительный анализ синестезий в разных языках и выявление черт общечеловеческого восприятия и определения национальных особенностей «синестетического мышления».

Наряду с термином *синестезия* в современных исследованиях употребляется термин *синестемия* (введён С. В. Ворониным). В различных исследованиях они толкуются по-разному. В нашей диссертационной работе для описания результатов переносов к номинациям эмпирийного признака и к номинациям рационального (нейтрального / оценочного) признака используются термины *синестезия* и *синестемия*. *Синестетическими* названы метафорические переносы от номинаций эмпирийных признаков к номинациям: 1) других эмпирийных или 2) рациональных признаков. При необходимости противопоставить виды переноса 1 и 2, перенос 2 назван *синестемическим*, а его результат – *синестемией* (*кислое настроение, шероховатые люди*), результат же переноса 1 – *межсенсорной синестезией* (*яркий звонок, тёплые цвета*).

Общим для русской и итальянской синестетической метафоризации является актуальность направлений образования синестемий, в то время как межсенсорные синестезии сравнительно малочисленны в обоих языках (при этом в ИЯ их вдвое меньше, чем в РЯ).

В обоих языках большинство синестезий выражает оценочное отношение говорящего как к одушевлённому, так и к неодушевлённому объекту (в РЯ оценочных синестезий 64,5%, в ИЯ – 71%), при этом большинство оценочных синестезий используется для характеристики человека: *жёсткий характер, холодное сердце, острый ум, гибкий человек, дряблая воля, занозистая бабёнка, светлый ум, серый индивид, сухой человек, тёмный люд, скользкий враг, тугой ум, тяжёлый характер, шероховатые люди, гладкая речь; una persona appicciosa* ‘прилипчивый человек’, *uoto caloroso* ‘горячий человек’, *coscienza candida* ‘чистая (букв. белоснежная) совесть’, *ingegno elastico* ‘гибкий ум’, *coscienza elastica* ‘«эластичная» совесть’, *carattere cupo* ‘замкнутый (букв. тёмный) характер’, *individuo frollo* ‘вялая (букв. рыхлая) личность’, *condotta leggera* ‘легкомысленное (букв. лёгкое) поведение’, *carattere brusco* ‘резкий (букв. терпкий, кислый) характер’, *carattere dolce* ‘мягкий (букв. сладкий) характер’ и т. д. Оценочные синестезии характеризуют, главным образом, ментальные признаки человека (его умственные способности, характер), реже – физические признаки. В обоих языках синестетические метафоры не используются для характеристики животных. Использование нейтральных синестезий применительно к свой-

ствам человека не характерно для РЯ и ИЯ (соответственно, 7% и 5,8% от всех синестетических метафор).

Общей чертой является и то, что синестетические метафоры (как оценочные, так и нейтральные) в большей степени используются для выражения отвлечённых признаков, чем предметных или природных.

Наиболее актуальной областью лексики, мотивирующей синестетический перенос, в РЯ и ИЯ являются номинации визуального и тактильного признаков. Метафоры, образованные на основе номинаций визуального признака, чаще характеризуют зрительно воспринимаемую «сторону» человека, а именно – взгляд или вид: *sguardo chiaro, aguzzo, limpido* ‘ясный, острый, светлый взгляд’; *ясный, тёплый, мрачный взгляд, лучезарные, лучистые глаза, пасмурный вид*. Номинации тактильного признака чаще становятся основой для метафор, выражающих ментальный признак человека: *жёсткий, ровный, мягкий характер, острый ум, uomo ispido* ‘шероховатый человек’, *uomo viscido* ‘скользкий человек’, *parole lubriche* ‘непристойные (букв. скользкие) слова’.

Были отмечены следующие общие для обоих языков направления межсенсорной синестетической метафоризации: «номинации тактильного признака → номинации звукового признака» (*suono acuto* ‘пронзительный звук’, *voce ottusa* ‘глухой (букв. тупой) голос’, *жёсткий крик, грубый голос*), «номинации визуального признака → номинации звукового признака» (*яркий звонок, fragore cupo* ‘глухой (букв. тёмный) грохот’).

В результате сопоставительного анализа синестетических переносов был выявлен ряд отличий. Для адъективной синестетической метафоризации в ИЯ более характерно наличие синонимичных рядов среди метафоризаторов, тогда как в РЯ шире представлена полисемия: один и тот же метафоризатор является «источником» нескольких переносов.

Номинации консистенциального признака с одинаковой регулярностью выступают в качестве метафоризаторов для метафор – характеристик свойств человека в РЯ и ИЯ, однако в ИЯ данные номинации также актуальны для характеристики неодушевлённых объектов (*situazione politica fluida* ‘нестабильная (букв. текучая) политическая ситуация’, *memoria tenace* ‘цепкая (букв. вязкая) память’, *massiccia*

erudizione 'широкая (букв. плотная) эрудиция'), что практически не свойственно РЯ.

Номинации вкусового признака регулярно выступают основой метафоризации в обоих языках, но если в РЯ «вкусовая» интерпретация даётся ментальным признакам человека (*смачная фраза, сладкие речи, кислое настроение, терпкие слёзы, приторная улыбка*), то в ИЯ вкус «приписывается» признакам различных объектов: *vita agra* 'тяжёлая (букв. кислая) жизнь', *storia saporosa* 'интересная (букв. вкусная) история', *idee che sanno di rancido* 'устаревшие (букв. прогорклые) идеи', *libro gustoso* 'интересная (букв. вкусная) книга', *sonno saporito* 'сладкий (букв. вкусный) сон'. В целом вкусовые ассоциации более свойственны ИЯ, нежели РЯ: вкусовые метафоризаторы в ИЯ составляют 21,4%, в РЯ – 13,2%.

3. В параграфе 2.3. «Пространственная адъективная метафоризация» отмечены общие для РЯ и ИЯ тенденции, а также особенности в образовании метафор на основе номинаций пространственного признака. Пространственная метафоризация отражает когнитивные модели, в основе которых лежат культурно значимые оппозиции («верх – низ», «правое – левое» и т. д.)

Общим для метафоризации в сравниваемых языках является то, что номинации пространственного признака, как правило, не мотивируют метафорические номинации эмпирийного признака. Различные явления в РЯ и ИЯ характеризуются метафорами, основанными на номинациях признака протяжённости в пространстве: *высокое мастерство, высокий порыв, низменные желания, мелкие побуждения; tempi bassi* 'плохие (букв. низкие) времена', *alto ingegno* 'высокий ум'. «Ровное» и «широкое» воспринимается русскоговорящими и итальянцами как положительное (*ровный характер, широкая личность, lingua piana* 'ясный (букв. ровный) язык', *faccenda piana* 'лёгкое (букв. ровное) дело'), «узкое» и «наклонное» воспринимается как отрицательное (*тесный кругозор, крутые перемены, косой взгляд, essere prono al peccato* 'быть склонным ко греху', *intelletto angusto* 'узкий интеллект', *condotta obliqua* 'неискреннее (букв. наклонное) поведение').

В РЯ 72,4% «пространственных» метафор используются для характеристики неодушевлённых объектов, из них 34% основано на номинациях ориентационного признака (в ИЯ – 17%), например: *ближайший повод, глубокий траур, параллельные функции, мел-*

кая роль, близкая тема и др. Причиной такой распространённости нейтральных «пространственных» метафор может быть калькирование метафор из других языков. В ИЯ метафоры, основанные на номинациях пространственных признаков, характеризуют прежде всего ментальные свойства человека (40,6%, в РЯ – 23%) – его умственные способности (*intelletto angusto* ‘узкий интеллект’, *uomo sciocco e tondo* ‘глупец и простачок (букв. глупый и круглый человек)’), характер (*carattere spigoloso* ‘угловатый характер’, *ragazza eccentrica* ‘эксцентричная особа’), речь (*stile rotondo* ‘плавный (букв. круглый) стиль’, *parole grosse* ‘грубые (букв. толстые) слова’). Чаще всего в основе оценочных характеристик человека лежит представление о размере объекта и о его положении в пространстве (относительно некоторой точки отсчёта, которая «выступает» эталоном нормы), реже – представление о форме объекта. Крайне редко в ИЯ номинация пространственного признака мотивирует номинацию звукового признака (меньше 3%).

В РЯ 8% пространственных метафор служат характеристике звукового признака. Звук, в представлении русскоговорящих, «обладает» следующими параметрами: размером (*толстый бас* *имеля*), протяжённостью в пространстве (*высокий регистр*, *низкий голос*), «расположением» в разных частях пространства (*нижняя октава*). Звук не «имеет» формативного параметра.

В РЯ десятую часть составляет универсальное для многих языков направление метафорического переноса к номинациям временного признака: *короткая неделя*, *глубокая древность*, *далёкое будущее*, *круглые сутки*, *длинная ночь*, *параллельные репетиции*, *частые визиты*. Для ИЯ данное направление является менее актуальным (4,4%).

РЯ и ИЯ свойственно преобладание пространственных метафор с нейтральной оценкой (РЯ – 52,3%, ИЯ – 52%) над оценочными (соответственно 37,2% и 43,5%), при этом в обоих языках для нейтральных метафор характерно выражение отвлечённых признаков, а оценочные характеризуют, в основном, ментальные свойства человека.

В ходе сопоставительного анализа метафорик РЯ и ИЯ было отмечено, что адъективная метафорика в обоих языках описывает преимущественно ментальные признаки человека и отвлечённые признаки (см. табл. 2.).

Таблица 2.

*Процентное соотношение признаков, выраженных
русскими и итальянскими адъективными метафорами*

Признак, выраженный метафорической номинацией	% от всех адъективных метафор в РЯ	% от всех адъективных метафор в ИЯ
Отвлечённый признак	33,61	36,25
Ментальный признак человека	32,76	46,61
Природный признак	7,81	3,79
Предметный признак	6,72	3,4
Физический признак человека	5,86	3,4
Звуковой признак	4,77	1,8
Признак временного отрезка	3,47	1,6
Социальный признак человека	1,73	2,2
Визуальный признак	1,52	0,4
Одоративный признак	0,87	0,4
Признак животного	0,44	0,2
Вкусовой признак	0,22	-
Консистенциальный признак	0,22	-

В ИЯ номинации отвлечённого признака и ментального признака человека составляют подавляющее большинство адъективных метафор (более 80%), тогда как в РЯ представлено широкое разнообразие направлений метафоризации. В РЯ распространены типы адъективных метафорических номинаций, не актуальных для ИЯ: номинации природного и предметного признаков, номинации звукового и визуального признаков, номинации временного отрезка. Кроме того, в русской адъективной метафорике выражается консистенциальный признак, что совсем не свойственно ИЯ.

4. Параграф 2.4. «Метафоризация относительных имён прилагательных» посвящён анализу общих и специфических черт в процессе формирования адъективных метафор-цветообозначений. Как известно, относительные прилагательные и в русском, и в романских языках регулярно переходят в качественные, при этом одна из продуктивных областей окачества относительных прилагательных – формирование цветообозначений. О продуктивности данного направления метафоризации свидетельствует взгляд на форми-

рование цветообозначений как на «узкое окачествование» (И. М. Ландсман).

В п. 2.4.1. «Семантическая классификация адъективных метафор-цветообозначений по основному цвету» показано, как метафорические прилагательные-цветообозначения (ПЦ) распределены по основным цветам, выраженным общим семантическим компонентом (ОСК). Например, ОСК 'зелёный' объединяет ПЦ *бутылочный*, *изумрудный*, *малахитовый*, *салатный*, *травяной*, *фисташковый*, *болотный*, *оливковый*; ОСК 'verde' (зелёный) объединяет ПЦ *acqua* 'водянистый', *pisello* 'гороховый', *smeraldino* 'изумрудный', *oliva* 'оливковый', *bottiglia* 'бутылочный', *verderame* 'цвета зелёной меди', *erba* 'травяной', *pistacchio* 'фисташковый'; ОСК 'белый' объединяет ПЦ *алебастровый*, *жемчужный*, *кремовый*, *меловой*, *мраморный*, *оловянный*, *опаловый*, *ртутный*, *снежный*, *телесный*, *фарфоровый*, *молочный*, *сливочный*; ОСК 'bianco' (белый) объединяет ПЦ *cereo* 'восковой', *eburneo*, *avorio* 'цвета слоновой кости', *latte*, *latteo* 'молочный', *nevoso* 'снежный', *gesso* 'меловой', *crema* 'кремовый', *argenteo* 'серебряный', *colombino* 'белоснежный', *alabastrino* 'алебастровый', *marmoreo* 'мраморный', *opalino* 'опаловый' и т. д. Выделенные ОСК в целом совпадают в обоих языках. Отличием РЯ является наличие ОСК 'чёрный' (ПЦ *агатовый*), который отсутствует в итальянских метафорах-цветообозначениях. Самыми распространёнными метафорическими ПЦ в обоих языках являются номинации красного оттенка (в РЯ 27%, в ИЯ 30%): *вишнёвый*, *кирпичный*, *коралловый*, *кровавый*, *огневой*, *огненный*, *пламенный*, *рубиновый*, *свекольный*, *гранатовый*, *кумачовый*, *карминный*, *клюквенный*, *персиковый*, *медный*, *малиновый* и т. д.; *carne* 'телесный', *rosa* 'розовый', *sanguigno* 'кровавый', *vermiglio*, *cremisi*, *carminio* 'карминный', *magenta* 'маджента', *amaranto* 'амарантовый', *fragola* 'клубничный', *corallo*, *corallino* 'коралловый', *ciclamino* 'цикламеновый', *rubino* 'рубиновый', *cardinale* 'цвета одежд кардинала', *vescovo* 'цвета одежд епископа', *vino* 'цвета красного вина' и т. д. В РЯ представлено больше метафор – номинаций жёлтого цвета (16,5%, в ИЯ – 11,7%), в ИЯ больше метафорических номинаций коричневого цвета (14,8%, в РЯ – 9,4%).

В п. 2.4.2. «Семантическая классификация метафоризаторов адъективных метафор-цветообозначений» анализируется репертуар эталонных объектов, используемых русскими и итальянцами в

формировании метафорических ПЦ. Эталоны цвета в РЯ и ИЯ одинаково распределились по убыванию актуальности: объекты неживой природы (*агатовый*, *песочный*, *acqua* 'водянистый', *celeste* 'небесный'), объекты живой природы (*шафранный*, *мышинный*, *avana* 'цвета гаванского табака', *cattello* 'верблюжий'), объекты, связанные с человеком и его деятельностью (*кирпичный*, *телесный*, *vino* 'цвета красного вина', *canarino* 'пеньковый').

К общим чертам образования метафорических ПЦ относится совпадение в выборе эталонов некоторых подгрупп: наименования минералов – *коралловый*, *охряный*, *меловой*; *corallino* 'коралловый', *ocra* 'охряный', *gesso* 'меловой'; соматизмы – *кровавый*, *телесный*; *sanguigno* 'кровавый', *carne* 'телесный'. В РЯ в два раза чаще, чем в ИЯ, в качестве эталонных объектов цвета используются камни (*агатовый*, *бирюзовый*, *малахитовый*, *мраморный*, *опаловый*), а ягоды используются как эталоны цвета более чем в два раза чаще (*вишнёвый*, *малиновый*, *брусничный*, *клюквенный*, *рябиновый*; в ИЯ – *ciliegia* 'вишнёвый', *fragola* 'клубничный'). К особенностям образования ПЦ в ИЯ относятся:

– выбор животных в качестве эталонных объектов цвета (в четыре раза чаще, чем в РЯ): *canarino* 'канареечный', *sorcino* 'мышинный', *colombino* 'голубиный (белоснежный)', *tortora* 'цвета оперения горлицы', *seppia* 'цвета каракатицы (между серым и коричневым)', *pulce* 'цвета блохи (красновато-коричневый)', *pavone* 'цвета оперения павлина (ярко-синий)', *eburneo/avorio* 'цвета слоновой кости', *salmone* 'цвета лосося' и т. д.;

– наличие особой подгруппы наименований эталонных объектов, которая не встречается в РЯ. Метафоры данной подгруппы являются обозначениями различных оттенков красного цвета: *cardinale* – 'имеющий пурпурно-красный цвет, характерный для кардинальского облачения', *vescovo* – 'фиолетово-красный, цвета облачения епископа', *tango* – 'сверкающий красный', *magenta* – 'имеющий очень насыщенный карминный оттенок, смесь фиолетового и красного'. Если мотивирующий признак ПЦ *cardinale* и *vescovo* очевиден и упоминается в толковании, то для *tango* его не так просто определить. Первичное значение *tango* 'танец' пришло в итальянский язык в начале XX в., а цветовое значение появилось, вероятно, по аналогии с яркой одеждой танцоров или ассоциативно: танец → страсть → красный цвет. ПЦ *magenta* появилось после кровопролитной битвы

при Мадженте в 1894 г.; став своеобразным “синонимом” крови, это слово позже вошло в моду именно как название цвета. Маджента – один из основных, “типографских” цветов (по-другому он называется *фуксин*). Наличие этой подгруппы, наряду с данными о метафоризации в сфере качественных прилагательных, свидетельствует в целом о большей активности социальной лексики в адъективной метафоризации ИЯ.

В **Заключении** подведены итоги исследования и намечены возможные перспективы. Описание направлений метафоризации – это первый шаг в построении моделей адъективной метафоризации и их сопоставительного анализа, поэтому следующим этапом исследования может стать выявление мотивирующих признаков адъективной метафоризации и построение двухпараметровых моделей метафоризации в сфере прилагательных. Это позволит выяснить, какие инвариантные признаки, мотивирующие метафорическое значение, характерны для адъективной метафоризации. Кроме того, представляется целесообразным расширение объёма материала и включение в анализ отглагольных и отсубстантивных прилагательных с целью выявления новых направлений.

По теме диссертации опубликовано 6 работ общим объёмом 5,2 п. л., в том числе три статьи в изданиях, рекомендуемых ВАК:

1. Кузьмина М. А. Метафорические прилагательные-цветообозначения в русском и итальянском языках (на материале толковых словарей) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 7. Вып. 2: Филология. Новосибирск, 2008. С. 3–9. (Издание рекомендовано ВАК.)

2. Кузьмина М. А. Метафорология барокко: теория метафоры Эмануэле Тезауро // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 4. Вып. 4: Филология. Новосибирск, 2005. С. 50–59. (Издание рекомендовано ВАК.)

3. Кузьмина М. А. Метафора как элемент методологии современного научного познания // Социологические исследования. Москва, 2006. № 2. С. 42–51. (Издание рекомендовано ВАК.)

4. Кузьмина М. А. Метафорология итальянского барокко: о категории «остроумие» в трактате Эмануэле Тезауро «Подзорная труба Аристотеля» (1670) // Τέχνη γραμματική (Искусство грамматики). Новосибирск, 2006. Вып. 2. С. 221–241.

5. Кузьмина М. А. О «метафоре заблуждения» в «Риторике» Аристотеля и в «Трактате о метафоре» Э. Тезауро // Материалы XLIII международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 30–32.

6. Кузьмина М. А. Семантические универсалии в итальянской адъективной метафоризации // Материалы XLII международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 81–83.

Кузьмина Мария Александровна

**Русская и итальянская адъективная метафоризация
в сопоставительном аспекте**

Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Подписано в печать 12.03.2009. Заказ №14.

Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 1,0. Тираж 100 экз.

Типография Института катализа им. Г.К. Борескова СО РАН

